

Виктор Дудихин

Хроника одного солнечного цикла

Записки провинциала, или Сказание обо
мне, любимом

Виктор Владимирович Дудихин
Хроника одного
солнечного цикла.
Записки провинциала, или
Сказание обо мне, любимом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19052487
ISBN 9785447484750

Аннотация

Эта повесть о событиях 70—80-х годов прошлого века. В ней рассказывается о том, как молодой, амбициозный провинциал становится аспирантом московского вуза. Описание его жизни и борьбы с обстоятельствами в чуждой, агрессивной столичной среде. Нелегальное проживание с семьей в легендарном «Доме Коммуны» после окончания аспирантуры. Работа в космической фирме академика Челомея и у Главного конструктора — оружейника Нудельмана. Знакомство с последователями культа Порфирия Иванова и много чего еще...

Содержание

От автора	5
МИСиС – общежитие	7
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**Хроника одного
солнечного цикла
Записки провинциала,
или Сказание обо
мне, любимом
Виктор Владимирович
Дудихин**

© Виктор Владимирович Дудихин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

*Эта повесть посвящается моей любимой жене
Елене.*

Как-то она сказала:

*«Если кому-то понравится эта книга,
то пусть завидуют мне.*

Я ее не читала,

я ее проживала....»

Уважаемый читатель, хочу предупредить, что я не претендую на полную беспристрастность. В повести, прежде всего, мне хотелось показать дух той далекой эпохи семидесятых-восемидесятых годов, через описание подробностей бытия одного маленького молодого человечка, то есть меня. Вы найдете на листах этой книги исключительно мой личный взгляд, несомненно, пристрастный, на события, в которых я либо участвовал, либо был свидетелем.

Действия повествования начались в январе 1977 года. Оно охватывает одиннадцать долгих лет. У астрономов одна тысяча девятьсот семьдесят седьмой год от Рождества Христова, по всем канонам подсчета солнечных пятен, считается годом начала очередного солнечного цикла, стандартная длительность которого, те же одиннадцать лет. Отсюда у моей повести такое, немного нелепое название.

Заранее приношу все возможные извинения тем людям,

кои найдут в этой повести по отношению к себе, больше резкого и несправедливого, чем правдивого и величественного. Все написанное не есть истина в последней инстанции, это всего лишь то, как я видел ситуацию в конкретные моменты моей жизни.

Все написанное здесь – правда. Только, правда, но, думаю, не вся правда.

Виктор Дудихин

МИСиС – общежитие

*Большие пейте и меньшие закусывайте.
Это лучшее средство от самомнения
и поверхностного атеизма.
Вен. Ерофеев «Москва – Петушки»*

Сразу после встречи нового 1977 года, насквозь промерзшая, ледяная электричка увозила меня из Рязани навстречу новой жизни, в Москву. Думал, так, годика на три. Как потом оказалось – навсегда. Ехал в кургузом пальтишке и потрепанной кроличьей шапке. В кармане брюк лежал весь наличный капитал – двадцать рублей. Провинциал отправился покорять Великий Город. Провинциалу исполнилось двадцать пять лет. Что было у него в избытке, так это жизненные силы, природная наглость, вера в себя и жажда успеха.

Волею судеб и стечением нелепых случайностей я только что стал аспирантом Московского института стали и сплавов. Этот учебный институт имел длинную, славную историю. Ранее, «в девичестве», назывался Московским институтом стали им. И. В. Сталина. «Замужество», и, следовательно, изменение названия, произошло за полтора десятка лет до моего появления в нем. В 1962 году этот ВУЗ слился в экстазе с остатками института цветных металлов и золота, внезапно перемещенного волюнтаристом Никитой Хрущевым в город Красноярск.

Поступление мое в аспирантуру сопровождалось весьма забавными событиями. Я «завалил» вступительный экзамен, страшно сказать, по истории Коммунистической партии Советского Союза. В те времена такое обстоятельство выглядело чудовищно. Произошло сие отнюдь не потому, что некий диссидентский бес толкал под ребро на экзаменах по этому предмету. Просто, в силу не ясной мне интриги, в тот момент кафедра истории КПСС «резала» на экзаменах в аспирантуру практически всех сдававших.

Правда, умные люди в институте Стали и Сплавов в то время тоже водились. Узнав о таких проделках историков КПСС, ректор института Петр Полухин вызвал завкафедрой истории к себе. Долго материл его. Это он очень хорошо умел делать. Результатом сей отповеди стал приказ о повторном экзамене в ноябре 1976 года для нескольких десятков неудачников, вроде меня.

Когда же я, из-за пересдачи вступительного экзамена, заявился в отдел аспирантуры на месяц позже прочих зачисленных на обучение аспирантов, то выяснилось, что все места в нормальной аспирантской общежитии уже давно заняты. И не я один, а все «иногородние», кто пересдавал экзамен по злополучной истории партии, пребывали в таком же «подвешенном» состоянии.

Официально – мест не было, но мне надо где-то жить, а институт обязан предоставить аспиранту для этого угол. Тем более, что институт располагал тремя общежитиями.

Первое – «Металлург» у метро Беляево, по тем временам у черта на рогах. Там, рядом с метро, стояли две шестнадцатизэтажных башни, корпуса – мужской и женский, соединенные подземным ходом.

Типовое общежитие МИСиС в Беляево, где я обретался полтора года

Ближе к институту общежитие Дом Коммуна на Шаболовке. Это вообще отдельная песня. Памятник архитектуры

в стиле конструктивизма конца двадцатых годов. Я потом прожил в нем легально и нелегально несколько не самых худших лет моей жизни. Это замечательное во многих отношениях здание. Я еще расскажу позже о нем и годах, прожитых мною там.

Поскольку во всех нормальных общагах места заняты, мне предложили жить совместно с иностранцами. Делать нечего, пришлось согласиться. Как я потом узнал – наш народ на это шел крайне неохотно, поскольку проживание с инородцами было делом достаточно хлопотным.

Последовала стандартная процедура – написание особого заявления и его согласование. Давал добро на мое поселение в «гнездо идеологического разврата» парторг кафедры. Так состоялась моя первая встреча с человеком, который через год стал у меня научным руководителем. Он смотрел на нас цепким колющим взглядом. Я его понимал. Он давал «ответственную» рекомендацию тому, кого видел первый раз в жизни. Запомнились его ироничная вежливость, темные очки и «застёгнутость» на все пуговицы.

Мне хотелось поскорее покончить с формальностями, и как-то, наконец, устроиться. Получил бумагу с направлением в Беляево, в «Металлург». Ехал туда из института на метро, как мне тогда показалась, после Рязани, бесконечно долго, этак целых полчаса. Когда прибыл, увидел два унылых бетонных параллелепипеда общежития на не менее унылой заснеженной улице.

С трудом отыскал кастеляншу, разбитную бабёнку лет тридцати пяти, пребывавшую в тот момент несколько под мухой. Имени ее сейчас уж и не припомню. Отложилось в памяти только, что сидел у нее в каптерке некий тип иностранной наружности. Как потом выяснилось – ее друг-любовник, араб по имени Халек. Он, пока я ожидал мадам, развлекал меня байками и анекдотами.

Узнав причину моего появления, он сразу же ошарашил вопросом: «Что лучше коммунизм или онанизм?».

Арабский друг явно предвкушал эффект от своего свободного владения великим и могучим.

Я пожал плечами.

«Онанизм» – уверенно заявил представитель прогрессивных стран третьего мира. «Хоть что-то конкретное в руках удержишь!»

Появилась управительница.

«И куда же я тебя, касатика, помещу?» – заверещала она. «К вьетнамцу хочешь?»

«А что такое?» – не понял я.

«Так они селедку жарят и вообще, такие неопрятные»

«А какие у меня варианты?»

«Да, никаких.... Можно к арабу».

«Давайте уж к юго-восточному азиату, ежели чего, то поменять-то можно?»

«Уж не знаю, не знаю».

Все она знала. Иностранцы – аспиранты ее подкармли-

вали, и, по возможности, утешали ее тоскующую, одинокую, женскую плоть. Она же, в свою очередь, старалась не подсе- лять к ним соседей и давала жить более-менее свободно.

Данный кампус в то время (в 1977 году) был относительно новым, построенным лишь пару лет тому назад. Его шестна- дцать этажей состояли из блоков по две комнаты 12 и 17 мет- ров, с приданными к каждому крошечной ванной и сорти- ром. Но имелись на этаже и «люксовые», однокомнатные блоки, куда селили избранных. Аспирантам в общежитии от- водилось несколько этажей. Один этаж предназначался для зарубежных аспирантов. Эта весьма пестрая публика в ос- новном была собрана из стран третьего мира.

Студентам полагалось жить по пять человек в блоке – три плюс два. Аспиранты жили свободнее, по трое, два человека в комнате на младших курсах и один на последнем. Но это в теории, на практике творился полный бардак. «Подмазав» администрацию, все устраивались с комфортом.

Арабы даже абонировали целый однокомнатный блок, где они хранили товары спекулятивного свойства. Нас, совет- ских аспирантов, для того и подсе- ляли к инородцам, чтобы сделать эту забугорную тусовку хотя бы более-менее управ- ляемой.

Это я – в то время молодой, полный жизненных сил аспирант

Среди заграничных аспирантов преобладали арабы из Египта. Тому имелось вполне понятное объяснение. В прошлом веке Советский Союз в Египтяндии много чего понастроил: Асуанская плотина, Хелуанский металлургический завод, алюминиевый завод Нага Хаммади, завод ферросплавов в Этфу и прочее, прочее, прочее. Для этих предприятий потребовались образованные кадры. Сначала их учили в советских ВУЗах, а потом сообразили, что в Египте это делать сподручнее. Поэтому, на базе заводов, создавались специальные учебные институты, ковавшие необходимое коли-

чество национальных спецов.

Так, недалеко от Каира при Хелуанском металлургическом заводе возник Таббинский металлургический институт. В нем в шестидесятые годы трудились советские профессора и доценты. Тамошние выпускники получали дипломы, эквивалентные диплому Московского института стали и сплавов.

Попасть преподавать в этот институт (а, следовательно, заработать денежек за границей) это вполне осуществимая мечта для сотрудников МИСиС тех лет. Выпускники Таббинского металлургического института и составляли костяк контингента арабских аспирантов на нашем этаже. Что-то подобное, но в меньших масштабах, существовало в МИСиСе для Алжира и Сирии. Правда, к середине семидесятых общая любовь СССР с арабским миром в основном закончилась и то, что я наблюдал, это скорее рецидив прошлого.

Так вот, в конце концов, меня направили проживать вместе с вьетнамским аспирантом по имени Вонг. Это был маленький, щупленький, худенький субъект, субтильной наружности. Он учился в СССР уже давно, наверное, последние лет десять. Может быть, и всю свою сознательную жизнь. В начале семидесятых, Социалистический Вьетнам смело и круто воевал, и даже победил Соединенные Штаты. Ма-тушка Вонга, видный функционер Вьетнамского Комитета, то ли борьбы за Мир, то ли спасения Вьетнамских Женщин, уберегая свое чадо от службы в армии, выхлопотала ему уче-

бу в Москве, подальше от фронта и американских бомбежек. Это он мне сам рассказывал.

Я поселился в комнате метров шестнадцать, на пятом этаже. Две кровати, встроенные шкафы, электроплитка, чайник, подоконник и по совместительству подобие рабочего стола около окна. Немудреный аспирантский быт середины семидесятых. Вьетнамский друг не вызывал у меня особых эмоций. Селедку он точно не жарил. В основном питался варевом из капусты с колбасой, напоминавшем солянку. Готовилось это все прямо в комнате на электроплитке.

Не скажу, что соседushка был в восторге от моего появления. Довольно скоро, видимо, нажав на какие-то неведомые мне административные пружины, он получил отдельную комнату для проживания (правда, меньшего размера) и от меня съехал. Конфликтов у меня с ним не было, но и душевности в отношениях не образовалось. Просто аспирант третьего года, перебрался жить в отдельную комнату, как, то и полагалось.

Вместо него мне представили нового соседа по имени Фуад. Араб из Александрии, статный, высокий, в меру упитанный малый чуть старше меня. В момент нашего знакомства он в совершенстве владел лишь тремя русскими фразами: «здравствуйте, до свиданья и я вас люблю». Так и стали жить вдвоем в комнате, что было на первых порах достаточно забавно.

Общался с ним на странной смеси жестов, трех означен-

ных фраз и моего жуткого английского. Погружение в этот волапюк имело грустные последствия. Довольно долго преподаватели иностранных языков спрашивали – оттуда же у меня столь ощутимый арабский акцент.

Мой новый арабский друг начал обустроиваться. Первым делом купил в комиссионке старенький, но еще достаточно крепкий холодильник. Потом, железные полки, и повесил их над кроватью. На них водрузил несколько книжек. Среди книг видное место занимал Коран. У очень многих арабских аспирантов это была единственная книжица в их личной библиотеке.

У каждого арабского аспиранта в то время должна была быть двухкасетная японская магнитола. Это как признак полноценности, свидетельство превосходства, знак избранности. Считалось, что арабский аспирант без магнитолы – это полный лузер! Она, родимая, стояла на полочке как некий фетиш, символ успеха, включаемая очень редко, лишь для того, чтобы тягучая арабская попса напомнила потомкам Тутанхамона о далекой, жаркой родине.

Я, в то время, приуговлялся стать папашей. Моя жена, пребывавшая в весьма интересном положении, жила в Рязани в доме своего отца. Практически каждую субботу и воскресенье катался на электричке по двести километров к ней. Это очень даже устраивало моего соседа, так как во время weekend'ов, наша комната была в его полном распоряжении. Сие, не замедлило дать результаты. Очень скоро Фуад завел

себе русскую подружку.

Надо сказать, что местные женщины навещали сынов Египта достаточно регулярно. Большинство этих дам скорее можно отнести к представительницам, так сказать, полусвета. В основном они были малообразованны, глупы и падки на разные заграничные тряпки (а может быть и на наличность). Значительный процент среди них составляли продавщицы из соседних магазинов. Визиты эти диктовались как естественной потребностью молодых мужских организмов, так и некоторой коммерческой сметкой.

В случае с Фуадом все было иначе. Его избранница – аспирантка, проживавшая в соседнем «женском» корпусе общежития. Молодая, кровь с молоком, здоровущая «телка» из провинции, с ощутимой курвинкой в характере. Приехала она откуда то, то ли с Урала, то ли из Сибири. Как мне помнится, ейный папенька был в тех далеких краях видным «ученым мужем», завкафедрой, а может быть и проректором провинциального учебного института.

Желая сделать как лучше, он послал свою доченьку учиться в Москву. Барышня довольно бойко щебетала на английском наречии, стреляла глазками в лиц противоположного пола, и, вообще, в столице изрядно поизвертелась. Так что на деле все получилось, как всегда, что, однако, не может быть поставлено в укор провинциальной дурочке двадцати двух лет от роду.

На первых порах этот советско – египетский роман разви-

вался бурно, по всем законам классического жанра. Голубки, взявшись за руки, мило щебетали по-английски, а в те дни, когда я уезжал навестить свою жену в Рязань, вероятно, предавались любовным утехам в оставшемся свободном помещении.

В один час все переменялось. Придя однажды вечером домой, и, открыв дверь, застал немую сцену. В углу комнаты, как бы спрятавшись за стул, стоял наш друг Фуад. Бледный и нахохлившийся, с дрожащими руками. Я сначала ничего не понял. Но переведя взгляд в противоположный угол, увидел там его мадемуазель в обществе двух мрачных шкафообразных субъектов – блондина и брюнета. Они сверкали глазами и выглядели весьма решительно.

«Видимо, у вас тут намечается некий серьезный разговор?» – деликатно спросил я.

«Давайте я только переоденусь, а потом, начинайте. У меня лишь одна просьба, мебель не ломайте, она на мне записана. Вам часа хватит?».

«Управимся за сорок пять минут» – цинично сказал здоровенный брюнет, и, недобро поглядел на бедного египтянина.

«Вот и ладненько, а я пойду, поужинаю».

Отужинав в кафетерии, прямиком направился к приятелям, жившим на нашем этаже. Там мы устроили конкурс на предсказание исхода этой истории. Выдвигались самые смелые гипотезы о возможном развитии событий. Лично я

заклучил пари на бутылку пива, что мой египтянин останется жив, и следов побоев у него не будет.

Когда через полтора часа вернулся, то обнаружил, что видимые жертвы и разрушения отсутствуют. Однако, Фуад, смертельно бледный, постоянно что-то вскрикивал на родном языке, неожиданно вскакивая и порываясь, то куда-то идти, то напротив, пытаясь как бы спрятаться. «Слава Богу», подумал я, «проблема, вероятно, разрешилась». После этого случая он недели две практически перестал выходить из комнаты куда-либо, чем мне смертельно надоел.

Как я потом понял, причина этой сцены заключалась в том, что страстной сибирской мадемуазели мой арабский сосед весьма поднадоел. Любви навеки не получилось. Она, коварная, обнаружила в себе новое чувство к очередному предмету своей страсти. Наш друг Фуад, как это у них, вероятно, принято, потребовал объяснений, или, хотя бы, возврата подарков. Объяснения он получил по полной программе, насчет подарков – не знаю. Да и сама дамочка очень скоро из аспирантуры была изринута, то ли по залету, то ли до самого папаши дошли слухи об амурных похождениях своей доченьки.

Вообще, мой арабский друг обладал редкой способностью попадать в различные идиотские истории. Одна из них запомнилась особо. Среди советских аспирантов она получила название «Великая макаронная война». Произошло это уже несколько позже, когда я от Фуада съехал и моим соседом

был кубинец Рахелио.

Прекрасным летним июньским днем мы всей нашей интернациональной компанией сидели, и, как водится, выпивали и закусывали. Внезапно в коридоре раздался очень громкий странный звук. Как будто лопнула водопроводная труба, и вода под большим давлением хлещет наружу. Все бросились из комнаты, посмотреть.

В коридоре было пусто. Только одинокий ГДРовский немец Вернер бегал взад-вперед по коридору. Весь красный, согнувшийся пополам и державшийся за живот. В руках его большущая сковородка, полная жареной скворчащей колбасы, издавала странный звук и аппетитнейший запах.

«Вернер, дорогой, что случилось?» закричали мы, разгоряченные выпитым алкоголем. «Тебя кто-то обидел? Только скажи, мы его враз порвем!». Вернер, поднял глаза, и мы увидели, что он трясется от смеха, и не в состоянии сказать ни слова. Он только махнул рукой в сторону кухни и сказал – «там!».

На кухне мы увидели двух арабов. Фуад лежал на полу, пытаясь снять здоровенную кастрюлю полную вареных макарон, что плотно сидела у него на голове. У окна, в боевой стойке стоял Аттия – недавно появившийся в общежитии новый арабский аспирант.

Тут необходимы некоторые пояснения. Все (или почти все) арабские аспиранты фарцевали. Что это такое – сейчас большинству современных читателей не совсем понят-

но. Просто они привозили в Союз дефицитные товары повышенного спроса – джинсы, японские магнитолы, зарубежную косметику и тому подобное. В Москве все это реализовывалось, как правило, через подружек-продавиц в соседних универмагах.

Обратно, из Союза арабы везли то, что представляло коммерческий интерес там, в Египтяндии – советскую очень надежную бытовую технику, водку, икру и прочее. Это им «доставали» те же подружки-продавицы. Дело это взаимовыгодное и поэтому процветало.

Фуад же, и в этом хорошо налаженном бизнесе, нашел свою, оригинальную и незанятую нишу. Он заявил о том, что сдаст с потрохами всех фарцовщиков-египтян в КГБ (как отважился пойти на это – я не знаю), если они не будут ему платить за молчание. То есть обложил данью своих одноплеменников. Видимо, дань с каждого была не очень большой и вполне посильной. Так что – платили, а так как аспирантов египтян обучалось довольно много, то наш друг процветал.

Но, на всяких хитрый винт, обязательно найдется гайка с левой резьбой. Ей оказался Аттыя, бывший спецназовец, реальный участник штурма линии Бар-Лева израильтян во время войны Судного Дня 1973 года. Он довольно резко выделялся из общей массы наших египетских друзей. Можно даже сказать, что он был нам, советским аспирантом более «классово близким».

Большинство египтян, обучавшихся в это время в аспи-

рантуре МИСиС, происхождение имели, так сказать, мелкобуржуазное. У кого в семье имелась фабричка, по производству какой ни будь плетеной мебели. У кого, кафешка на берегу моря. Кто-то мог унаследовать, например, адвокатскую практику. Получение диплома кандидата наук, скорее всего, рассматривалось как мероприятие для повышения статуса в обществе и законное основание добавить к своей фамилии префикс PhD.

Аттыя же, происходил из иной, «трудовой Египтяндии». Он, весьма неплохой инженер-металлург, получил базовое образование в советском ВУЗе. В конце шестидесятых годов, когда в Египте шли приготовления к реваншу последствий пятидневной войны, его, как и многих других образованных египтян, призвали в армию, служить в спецподразделение. Пройдя там соответствующую подготовку, он, я думаю, не боялся ни черта, ни шайтана.

Мне он был весьма симпатичен. Особенно интересны его рассказы о событиях четырехлетней давности. Тогда вместе с товарищами Аттыя взрывал израильские доты укрепрайона линии Бар-Лева, вдоль Суэцкого канала. Во время этих повествований Аттыя оживлялся, его глаза горели, он начинал говорить очень быстро, незаметно для себя переходя с русского на арабский.

Короче, когда Фуад пришел к нему как «представитель КГБ», то Аттыя послал его конкретно, по-русски, на три буквы, так как был, видимо, одним из немногих зарубежных

аспирантов, у которых в принципе отсутствовали проблемы с советскими законами. Во время второй попытки «наезда», Аттыя просто одел Фуаду на голову большую кастрюлю с вареными макаронами. Чему и был свидетелем немец Вернер.

Эта история имела широкий резонанс в наших узких кругах. Кончилось все тем, что Фуад, как виноватый по всем статьям, что называется, «накрыл поляну». На банкет были приглашены все обитатели аспирантского этажа. Российская водка лилась как струи с Асуанской плотины, горы халяльного риса, приготовленного с замечательной зеленой специей, возвышались в тарелках. Имелось еще что-то острое и очень вкусное из баранины, овощи, фрукты, сладости. Одним словом – праздник живота.

«Виновники торжества» сидели рядышком, как жених и невеста на гомосексуальной свадьбе. Тамада этого застолья – Аллави, староста арабских аспирантов, и, вероятно, тамошний арабский кгбшник, приставленный наблюдать за своей разношерстной паствой, знакомиться со страной возможного пребывания, и, между делом, может быть, написать диссертацию.

Вообще этот Мохамед эль Аллави был преинтереснейшим субъектом. По непонятной для большинства окружающих причине он более чем добросовестно старался «въехать» в советскую действительность. Ревностно изучал нюансы марксизма-ленинизма под руководством доцента Маргариты Тарховой и даже, как мне помнится, выступал с до-

кладом на марксистскую тему на студенческой научной конференции. Своей начитанностью и образованностью весьма выделялся на общем фоне сынов солнечной страны пирамид, проживавших на нашем этаже.

Так вот, Аллави долго и прочувственно говорил о том, что все мы здесь одна семья и почти братья. В любой семье, говорил он, может случиться разное. Но главное, чтобы одни поняли свои ошибки, а другие их простили и не держали зла. В конце тоста предложил двум лучшим друзьям – Фуаду и Аттые пожать друг другу руки и поцеловаться, что им и пришлось с большим отвращением проделать. Наверное, это реально напоминало гей – свадьбу. Ну, а далее, уже пили в основном за советско-египетскую дружбу.....

Дальнейшей судьбы Аттии и Фуада в Египте я не знаю, а в Москве все у них сложились очень по-разному. Аттия достаточно быстро написал и защитил диссертацию, обобщив свои знания и практический опыт в научной работе. Фуад несколько раз менял кафедры и темы. В конце концов, он всем ужасно надоел. Последняя кафедра, где он обретался, написала ему диссертацию, защитила его и отправила обратно, в Египтяндию. Произошло это много позже даже моей, не слишком гладкой защиты.

Постепенно, и, как-то незаметно, я перезнакомился со всеми обитателями этажа. Всего примерно сорок-пятьдесят человек. Кого здесь только не было! В большинстве – арабы из Египта, но имелись и совершенно уникальные лич-

ности. Индус, аспирант из Ирака, китаец из Северной Кореи, алжирец, финн, несколько кубинцев, народные демократы – немцы, болгары, поляки, венгры, и еще, Бог весть какая сволочь. Кроме того, на этаже проживало с десятков советских ребят, самыми различными путями залетевших в этот, Ноев Ковчег, где соседствовали «и люди и скоты».

Хотелось бы рассказать о них, о советских аспирантах, тем более, что очень скоро мы организовались в некое сообщество, как бы сейчас сказали, в «community». Началось с того, что в таком же двухсмысленном положении, как и я, в смысле неудачной сдачи экзамена истории КПСС, оказалось достаточно много людей, в том числе и Володя Серов.

Выпускник МИСиСа, большая умница, приехавший в аспирантуру от Новолипецкого металлургического комбината, где он отработал положенные три года по распределению. Судьбе было угодно поселить нас в одну комнату общежития еще во время сдачи аспирантских вступительных экзаменов. Вскоре выяснилось, что мы с ним поступили учиться и на одну и ту же кафедру – «Теории и автоматизации металлургических печей». Поселили его на нашем же этаже, но в другой блок в противоположном конце коридора.

После первого заседания кафедры обнаружилось, что вместе с нами в аспирантуру моей кафедры поступил кубинский аспирант Рохелио. С ним Володька учился в МИСиС в одной группе, еще, будучи студентом. Самым естественным образом вскоре мы подружились. Нас объединяло

многое – кафедра, люди на ней, веселое аспирантское житие и многое, многое другое. А с Рохелио меня роднило то, что оба мы оказались приписаны к одному и тому же научному руководителю, незабвенному Всеволоду Ивановичу.

Поэтому, когда Рохелио предложил мне переехать к нему в комнату и стать его соседом, я с радостью согласился. Очень скоро к нам в комнату подселили третьим еще одного аспиранта, Славу из Красноярска. Поселили временно, так как нас стало три человека, а это было не совсем по правилам. Однако вскоре мы так сдружились, что не хотели расставаться. Славка был отличнейший парень, со своей, несколько необычной жизненной историей.

Его отца, югославского партизана армии Иосифа Броз Тито в конце Второй Мировой войны направили на учебу в СССР в военное училище. Здесь молодой храбрый серб полюбил русскую девушку. Когда, внезапно, по воле Иосифа Сталина, вождь Тито стал «маршалом предателей», то перед учившимися в СССР югославами встал выбор, или остаться верными присяге югославских партизан (с понятными последствиями), или влиться в ряды славных советских вооруженных сил.

Вспоминая приезды Антона Вячеславовича, Славкиного отца, к нам в общежитие и его рассказы о войне. Особенно запомнились повествование о том, как партизаны три дня прятались в кукурузном поле, спасаясь от карателей СС, и тот замечательнейший самогон, настоянный на кедровых

орешках, который Славкины родители привозили из Сибири.

Володя Серов также оказался из семьи военных. Его отец, полковник советской армии, также участник Второй Мировой Войны, прошел славный путь боевого офицера и в конце своей службы оказался в прекрасном украинском городе Житомире, где и остался жить после выхода в отставку. Любопытно, что, когда «нэзалэжная держава» праздновала один из юбилеев Победы, всем ветеранам войны было присвоено очередное воинское звание. Так что превратился советский полковник в украинского генерал-майора.

Отлично устроившись, мы так зажили втроем в комнате 514 – я, Рохелио и Слава. Дни наши были полны трудов и свершений, ну, а вечером, часиков этак девять – десять, в нашу комнату набивалась куча народа. Начинался так называемый «семинар». Обсуждались любые, самые экзотические вопросы. Рассказывались невероятные, но необычайно правдивые истории из жизни. Как правило, эти посиделки продолжались до глубокой ночи.

Ну, например, Рохелио рассказывал о своих посещениях публичных домов в Гаване. Это происходило давно, во времена диктатуры негодяя Баттисты, до того, когда славный вождь Фидель принес свободу гордому и свободолюбивому народу Кубы. Рохелио лишь очень жалел о том, что был тогда еще очень юн и застенчив и ему так и не удалось полностью пасть жертвой греха.

Русский паренек Коля просвещал нас о нравах аборигенов металлургического завода Верхней Салды. Весьма любопытны также повествования Славы о жизни его многочисленных сербских родственников в разных странах мира. И так далее и тому подобное. Темы возникали спонтанно, каждый день новые и очень интересные, а наши беседы продолжались до полного изнеможения присутствующих.

Вообще, мы в нашей компании классно проводили время. Посещались различные музеи, выставки, театры и прочие культурные мероприятия. Запомнилась поездка на «богомолье» – лавру Загорска, нынешнего Сергиева Посада, которая плавно перетекло в банкет в привокзальном ресторане.

Мы взяли абонементы в школу поэзии, там проходила чередой выступлений поэтов, известных и не очень. Запомнились вечера Евтушенко и Вознесенского. Еще, почему-то Василия Аksenова, который тогда еще только собирался уехать за границу. Об этом он «по – секрету» сообщил битком набитому зрительному залу на тысячу мест. Вел все эти мероприятия весьма забавный деятель тех времен – поэт Петя Вегин.

А еще помню, как мы пришли в дом культуры МИСиС на лекцию о пришельцах, внеземных цивилизациях и летающих тарелках. Читала ее научная дама из московского планетария. В самый кульминационный момент, когда зал притих и готовился уже приобщиться к страшным тайнам внеземного происхождения, с самой верхотуры, с балкона в пар-

тер, со страшным грохотом упал чей-то портфель «дипломат». То-то было хохоту.

После этого лекторшу засыпали записками с вопросами типа «Правда ли, что обитатели звездной системы Верхнего Сириуса готовятся к захвату Земли и готовы ли страны Варшавского договора к отражению этой угрозы?». В общем – наша жизнь была тогда очень даже веселая....

Далее следует рассказать про кубинскую колонию того времени в МИСиСе. Аспирантов среди них было, как я помню, немного. Если мне память не изменяет, то всего трое-четверо. Хорошие и в тоже время очень разные ребята.

Обладатель великолепного оперного голоса Рокки. Красивый, статный кубинец, распевавший оперные арии большую часть свободного времени. Это был готовый оперный певец! Что его занесло в МИСиС?! На кафедру теоретической физики?! Воистину, неисповедимы пути Господни!

Анхел – кубинец с итальянскими корнями, похожий на молодого Марчелло Мastroяни. Высокий, влюбчивый красавец, ранее уже учившийся в Москве и приехавший в Союз, в аспирантуру, во второй раз. Во время первого посещения у него возникла семья и родилась маленькая дочка. Он увез их на Кубу, но его жена не смогла жить в суровых условиях «Острова Свободы», развелась и вернулась в СССР. Приехав через несколько лет учиться в аспирантуре, Анхел довольно быстро вновь обзавелся смазливой русской подружкой, которая опять потащила его под венец. Ви-

димом, такие истории просто обязаны повторяться.

Было много кубинских студентов. Они жили на других этажах, но постоянно приходили в гости к Рохелио. Из них запомнился некто Виктор. Этот парень – абсолютный негр-ид, черный, как голенище хромового сапога и внешне невероятно похожий на орангутанга, хотя и не без некоторого очарования. Добрейший, милейший и способнейший юноша. Он говорил по-русски даже правильнее нас, великороссов, носителей языка. Если закрыть глаза, то ты слышал чистейший, рафинированный, эталонный русский язык. Если глаза открыть, то на нем говорил, простите, совершенно черный африканский субъект.

Я специально поинтересовался у него, где он так хорошо научился говорить на языке Пушкина и Тургеньева. Оказалось, что еще два-три года назад Виктор не знал ни единого слова по-русски. И, вообще, он потомок черных рабов, все его предки были батраками на плантациях сахарного тростника. Виктор первый в семье получал высшее образование. Способностей он был необыкновенных. В институте учился на одни пятерки, при этом, не слишком утруждая себя обязательными занятиями.

Мой сосед Рохелио все время тосковал по теплу, чистому небу Кубы, могучему океану. Жить в московском промозгом климате южанину явно неудобно. Чтобы как-то загасить в себе эту чувство, он завел аквариум с яркими тропическими рыбками. Зимними вечерами смотрел на них, ухаживал

за ними, кормил и даже разговаривал со своими любимицами.

Черти меня дернули на мелкую провокацию. В магазине Детский Мир купил маленького резинового игрушечного крокодилчика и посадил его в аквариум. Первым это заметил кто-то из кубинских студентов, еще о того как Рохелио вернулся из института.

Весть о прибавлении моментально распространилась по кубинской диаспоре. Очень скоро практически все кубинские студенты и аспиранты сидели в нашей комнате и с самым невинным видом ожидали возвращения хозяина аквариума.

Когда Рохелио появился в дверях, он сразу заподозрил что-то неладное. Начал о чем-то по-испански спрашивать присутствующих, но те с постными физиономиями отвечали односложно. Рохелио стал ходить по комнате взад и вперед, и вдруг его взгляд упал на аквариум. Увидев резиновую рептилию, он захохотал и закричал «Cocodrilo! Виктор!! Негодяй!!! Maricon!!!!», далее последовала целая серия предложений, состоявших из хорошего русского мата и отборных испанских ругательств. Ну, а кончилось это маленьким банкетом. А что делать, раз все уже вместе собрались?

С еще одним интересным субъектом свела меня судьба через кубинских друзей. Это был мексиканец Артуро. Вернее, индеец племени тараско из Мексики. Там, в одном из живописных уголков этой страны, посредине озера Паскуаро

на острове Ханицио с незапамятных времен живет индейское племя, называющее себя пурепеча. Их всего-то в мире, этих пурепеч, несколько десятков тысяч. Так вот, Артуро – не рядовой пурепеча, а сын не то их главного шамана, не то вождя этого славного племени.

Артуро – добрый, милый, необычайно меланхолический парень. Папенька-вождь очень хотел выучить своего сына. После окончания университета в Мехико послал сына в аспирантуру в город Лос-Анжелос. Очень скоро нашего друга оттуда выгнали за неуспешность. После чего Артуро пристроили в Киев, в аспирантуру института Паттона, где повторилась та же история.

Честолюбивый вождь племени пупереч, батюшка Артуро, решил не сдаваться. Поэтому несчастный мексиканец и оказался в Москве, в аспирантуре МИСиС. Тут уж его пофигистический характер проявил себя в полной мере.

Он не делал вообще НИ-ЧЕ-ГО! Ну, вообще, ничего не делал, и занимался этим профессионально, довольно долго и с большим удовольствием. Может быть, он по складу своего характера просто не способен ни к какой-либо работе, в принципе. Однако, сам по себе был честен, бесхитроушен и правдив.

Когда через год, во время ежегодного отчета аспирантов на кафедре спросили «как его дела» – он честно сказал, что «очень плохо». На вопрос – «сколько часов в день он занимается?» – ответил, что «нисколько», и это была прав-

да! Удивившись, вся кафедра в один голос спросила – «почему?». «Не хочу» – отвечивал молодой латиноамериканец. Скажи он, ну, не получается, не клеится, но я стараюсь и т. п. – кафедра бы собралась, написала бы ему диссертацию, не в первый же раз.

После такого разговора ничего не оставалось, как отчислить его и отправить обратно в Мексику. Но это случилось потом, несколько позже. А пока он прибил к кубинской колонии, весьма украшая ее своей эксцентричностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.